

Азат Максүтов

главный дирижёр
Государственного театра оперы и балета РК

Последний из романтиков

комментарий к постановке оперы

В мировую историю оперы Джакомо Пуччини вошёл как величайший композитор-мелодист, своим творчеством закрывший нам двери «романтического» XIX века. Наследник Джузеппе Верди и его гениальный продолжатель, он выводит психологический музыкальный театр на новую качественную ступень синтеза музыки и драмы. В его операх зритель не услышит ни увертюры, ни отдельных законченных номеров — арий или дуэтов, с последующими, по традиции, аплодисментами. Рассчитанная до миллиметров музыкальная драматургия, с экспрессивным оркестром и «пробивающими до дрожи» голосами солистов, заставляет смотреть спектакль на одном дыхании. Мастерски прорисовывая характер своих героев, Пуччини очень тонко схватывает атмосферу каждой отдельной сцены. Можно прочувствовать всю прелесть томительного ожидания Пинкертон в время любовного дуэта с Чио-Чио-Сан из первого действия оперы, наполненного различными шорохами природы и благоухающими ароматами Востока тёплого летнего вечера; проникнуться невыносимо раздирающей болью второй арии Каварадосси – его прощани-

ем с жизнью холодным одиноким утром в тюрьме... За каждой такой сценой стоит человеческая жизненная рефлексия композитора. Ему тоже приходилось, как и всем нам, испытывать свои радости и горести. Но, будучи гением в музыке, он схватывал эти состояния, облакал их в звуки и дарил им бессмертие, напоминая зрителям об истинных ценностях. Феномен катарсиса испытывает на себе каждый, кто посмотрел и прочувствовал оперы «Богема», «Тоска» или «Чио-Чио-Сан».

Закрывая двери «романтического» XIX века, Джакомо Пуччини закрыл и двери великой итальянской оперы. Чуткое, тонкое, глубокое проникновение во внутренний мир человека, мир его душевных переживаний, более не интересовало последующих «серьёзных» композиторов, по крайней мере так, как это понимал и слышал Пуччини. В XX веке акцент сместился на анатомию и антропологию в музыке. Лишь «лёгкие» композиторы, вроде Франса Легара и Имре Кальмана, продолжали верить в удивительную силу мелодии, способную выразить тончайшие движения человеческой души и воспеть всю её красоту. Но это уже совсем другая история.